

Действующие лица

Константин Львович Томский,
управляющий кредитно-ссудным товариществом «Добрый самарянин»
Вован,
генеральный президент инвестиционно-маркетингового холдинга «Конкретика»
Зизи,
жена Томского
Клавка,
секретарша Вована
Вениамин Анатольевич Солодовников,
председатель совета пайщиков «Доброго самарянина»
Колян,
первый вице-президент «Конкретики»
Птеродактор
Пыпа,
председатель правления банка «Евросервис»
Буревестник
Хранитель Музея
Господин в парике
Телохранители, мастеровые, грузчики, слуги

Сцена разделена на две части. Две комнаты, очень похожие одна на другую — с лепниной и барельефами. Собственно, это одна и та же комната старинного особняка, разделенная одним столетием.

Слева — интерьер 1900 года: письменный стол с креслом, секретер. В углу напольные часы XVIII века. На стене картина в золотой раме: некий господин с весьма примечательным лицом, в пудреном парике и с орденом Золотого Руна на шее. В окне, расположенном напротив зала, чернота — там зима, ночь.

Справа — современная комната: голые стены, никакой мебели, на полу валяются листки бумаги. На стене покосившийся портрет Ахматовой. В окне сияет подсвеченный сталинский небоскреб. Мигают электронные часы.

На перегородке, разделяющей сцену, боком к зрителю, видна — профилем — пышная бронзовая рама зеркала, вернее, двух зеркал, висящих на одном и том же месте, но по разные стороны перегородки.

Действие происходит попеременно то в левой, то в правой половинах сцены, которые, соответственно, освещаются или затемняются.

Первое действие

Репарация и сатисфакция
(1900 год, т.е. комната слева)

Доносятся звуки романса «Ямщик, не гони лошадей», сопровождаемые граммофонным поскрипыванием. Потом, приглушенным фоном, «Вечерний звон». На письменном столе бутылка шампанского и бокал. Томский (щеголь с подкрученными усами а-ля Бисмарк, с набриллиантиненным пробором посреди головы) и Солодовников (пухлый господин купеческой наружности, с бородой веником) стоят перед

письменным столом.

Солодовников: Да-с, Константин Львович! А вы думали, Солодовников шутит? Нет, время шутки шутить кончилось. И если я в канун Нового года (тычет пальцем на часы, стрелки которых недалеко от полуночи), да не какого-нибудь, а особенного, 1901-го, вместо того чтоб пребывать в кругу любящего семейства, нахожусь здесь, на то имеется одна-единственная причина. Чаша моего терпения переполнилась, я жажду отмщения. Вы растратили из кассы «Самарянина» сто тысяч. Сто тысяч! Вот постановление об аресте вашего имущества! (Машет бумагой с печатями.) Не скрою, я намеренно распорядился вывезти из вашего дома мебель именно в этот день и час. Вы отравили мне своим мотовством, своей безответственностью долгие месяцы, а я испорчу вам встречу Нового года! Шампанское приготовили? Дудки-с! Сидючи на полу выпьете! Будь проклят день, когда мне пришло в голову пригласить пустоголового лейб-гусара на должность управляющего ссудно-кредитным товариществом!

Томский: Будь проклят день, когда я поддался на ваши посулы! Две тысячи жалованья! Выезд четверкой! Служебный особняк! Тьфу, презренная Мамона! Если б не вы, я б уже в полковники вышел, эскадрон получил!

Входят двое мастеровых, выносят секретер. Возвращаются за креслами.

Солодовников: И не думайте, сударь мой, что вы отделаетесь от меня этими деревяшками! Я получу с вас все положенные репарации, до последней копейки-с! А нет, так извольте в тюрьму! На каторгу! В Сибири вам усишки-то нафабрят! Воротнички-то накрахмалят! А не хотите — извольте репарацию, да-с!

Томский: Помилуйте, Солодовников, где я вам возьму сто тысяч? Я же вам честно-откровенно, как мужчина мужчине! Вы должны меня понять! Тут вопрос страсти — лютой, нерассуждающей, африканской!

Солодовников: Где возьмете? У супруги вашей, Зинаиды Аркадьевны. Пусть драгоценности свои заложит. Или у папеньки попросит.

Томский: Никогда! Это бесчестно! Лучше на каторгу!

Рабочие выносят письменный стол, предварительно сняв с него и поставив на пол бутылку с бокалом. Со стола падает увесистый адрес в кожаном переплете.

Солодовников: А растрата — честно? На денежки пайщиков цыганок в Отрадное возить честно? Так порядочные коммерсанты не поступают. Выбирайте: Сибирь или полная репарация.

Томский: Ре-па-ра-ция. Словечко-то какое мерзкое. Так и несет двадцатым веком. (Тоже тычет пальцем на часы.) В нашем, девятнадцатом, в ходу всё больше было слово «сатисфакция». Ну хорошо: я, Константин Томский, чересчур вольно обошелся с кассой, вы, председатель совета пайщиков ссудно-кредитного общества «Добрый самарянин» почитаете себя оскорбленным и жаждете отмщения. Отлично! Вызовите обидчика на дуэль, как это принято у благородных людей. Так нет же — судебным постановлением размахиваете, каторгой грозите! Купчишка, жалкий арифмометр!

Мастеровые подходят к зеркалу, берутся за раму.

Томский: Не смей! (Отталкивает мастеровых.) Хамскими руками! Не позволю! Это зеркало Сен-Жермена! Подарок графа моей прапрабабке Анне Федотовне! Оно волшебное! У нас в роду верят, что если

в Новый год на шестом ударе часов чокнуться с зеркалом бокалом шампанского...

Солодовников (беря бутылку): Пожалуй, шампанское тоже заберу. Ишь, «Клико», двадцатилетнее. Четвертной за бутылку. Мой, заметьте, четвертной.

Томский (бросается на него, отбирает бутылку): Не смей! Пока еще мой век! До вашего, двадцатого (мельком оглядывается на часы), — три минуты! Вон отсюда, человек будущего! Выталкивает за дверь Солодовникова и мастеровых, запирается.

Голос Солодовникова (из-за двери): Немедленно откройте! Иначе я спущусь к Зинаиде Аркадьевне и всё ей расскажу! Да, всё-с. Слышите? И про цыганку Любу, и про Отрадное!

Томский: Вы злоупотребите моей откровенностью? Негодяй! Бедная Зизи и без того

страдает!

Голос Солодовникова: Так отоприте.

Томский: Нет!

Голос Солодовникова: Ну как угодно-с. Вы, двое, ждите здесь.

Томский наливает в бокал шампанского, подходит к зеркалу, смотрит на себя.

Томский: Кажется, всё. В новом столетии нам

с тобой, мон ами, места нет. Там будут распоряжаться их степенства господ

Солодовниковы, хозяйева жизни. Пусть их распоряжаются. А меня увольте, противно... У

благородного человека всегда есть выход. (Достает из кармана револьвер.) Что ж, Констан, в Бога мы с тобой не веруем, адского пламени не страшимся... Последний бокал шампанского, и прости-прощай. (Начинают бить часы. Томский подпевает граммофону.) «Вечерний звон, бом-бом». Господи, которого нет,

я не хочу жить в гнусном, плебейском столетии, что начинается с сей минуты.

Подносит револьвер к виску. Левой рукой чокается со своим отражением — аккуратно на шестом ударе часов. Раздается громкий звон, словно хрусталь ударился о хрусталь. Свет гаснет.

Халявная недвижка

(2000 год, т.е. комната справа)

Электронные часы показывают 23:50, и цифры постепенно приближаются к полуночи.

Пьяные голоса за сценой поют «Как упоительны в России вечера», потом что-нибудь вроде «Не стреляйте друг в друга, братва» и далее в том же духе из современного эстрадного репертуара.

Посреди комнаты Вован и Колян (одинаковые чубы, бритые затылки). Первый в красном блейзере с золотыми пуговицами и в зеленом галстуке, второй в широком пальто. Во время последующего разговора грузчики вносят мебель: огромный полированный письменный стол, кожаные кресла, компьютер в коробке и прочее подобное.

Вован (озираясь): Конкретная хатенка, а, Коляныч? (Показывает на барельефы.) Телок с пацанами съедем, только имидж портят. Потолочек навесной запустим, тут ковролинчик белый, сидалы кожаные, офисный гарнитур, компюську с наворотами — адекватный будет кабинетик.

Колян: Вован, я фигею. Ты просто супер. Такую недвижку на халяву обломил! Классика! Гладко так подкатил к этому козлу старому, типа «дедушка, родненький, сдай закуточек в субаренду по две сотни за квадрат», а после — хрясь! — и сделал птеродактора.

Вован: Кого, блин?

Колян: Ну, редактора этого (кивает на портрет Ахматовой). Птеродактор — это я, Вован, прикололся. Птицы такие были, передохли все. По телеку видел.

Вован: А-а... Ты вот чё, Колян. Про «Вовчика»

и «Вована» забыл, ясно? Раз такая маза обломилась, теперь у нас всё будет по понтам, интеллигентно. Чисто и год подвалил 2001-й, это ж двадцать первый век, блин. Очко, понял? Шевели мозгами, Колян, не лажайся на прикупе. Я чё всю кодлу, в смысле весь коллектив холдинга, привез сюда Новый год гулять? Имидж у нас теперь другой, догоняй. Я те больше не Вован, а Владимир Егорыч, генеральный директор инвестиционно-маркетингового холдинга «Конкретика». Вован в Раменках остался, въезжаешь?

Колян: Въезжаю, Вовчик. Сорри — Владимир Егорыч.

Вован: То-то. Чё коллектив (кивает в сторону хорового пения), нормально? Культурно

оттягивается?

Колян: А то. Шампусика завезли пять ящичков, французского, по полцентнера баксов пузырь. Во! (Достает из кармана пальто бутылку шампанского, ставит на стол.) Газировка, обыкаешься. Эх, за портвешком бы стогнать пробористым, три семерочки, как раньше. Картошечки с лучком пожарить. Нет больше трех семерочек, ни за какие бабки не добудешь. Какую страну просерили, суки!

Вован: Ничего, вискарю с омарами похаваете. Привыкай, Колян. Ты, это, с Пыпой перетер? Чё, крепко его зауродило?

Колян: А то. Пыпа гноится, как чирей. Типа нарывается Вовчик и всё такое. Такую хату подмял и не делится.

Вован: Ладно, разведем по-культурному, без заморочек. Он теперь тоже не Пыпа, а Петр Леонидыч, председатель правления банка «Евросервис». (Грузчикам, которые внесли картину.) Вон туда, заместо этой хренотени (показывает на портрет Ахматовой).

Грузчики снимают АА и вешают большой портрет Вована, играющего на бильярде.

Стук в дверь. Входит Птеродактор — интеллигентный старичок лотмановского вида.

Птеродактор: Владимир Егорович, извините за позднее вторжение. Я забыл взять... (Видит, как грузчик несет вверх ногами портрет Ахматовой.) Ах, вот он! Позвольте, позвольте я! (Берет портрет, прижимает к груди.)

Птеродактор стоит и смотрит на Вована, укоризненно качая головой.

Вован: Ну, чё встал? Взял свою ляльку и вали.

Птеродактор: Как же вам не совестно? Из-за вашей нечестности редакция журнала «Родная речь» посреди зимы осталась без крыши над головой. Ведь у нас уникальное издание, призванное оберегать чистоту русского языка. Оставьте нам хотя бы первый этаж! Если вы этого не сделаете...

Вован: Ну, и чё будет?

Птеродактор: Вам потом будет стыдно.

Вован и Колян гогочут.

Вован: Дед, ты меня не кошмарь. Слышал народную мудрость: «Была у лоха избушка лубяная, да подсел на кидалово»? Запиши, дарю. После в журнале напечатаешь.

Отворачивается. Птеродактор с ужасом смотрит, как грузчики вешают на кариатиду мишень для дартс.

Птеродактор: Это лепнина восемнадцатого века! Она представляет собой культурно-историческую ценность!

Вован (не слушая, встает перед зеркалом): Во, блин, задрипа. В пятнах всё, еле хавальник видать. На вокзале в сортире и то лучше вешают. (Грузчикам.) Эй, пацаны, дрыну эту на помойку.

Птеродактор: Вы с ума сошли! Это зеркало графа Сен-Жермена! С ним связана старинная легенда! Если в новогоднюю ночь чокнуться с ним шампанским ровно на шестом ударе часов, оно исполняет любое желание, самое невероятное! Я каждый год пробовал — просил, чтобы наконец закончилась власть большевиков. Только всё никак на шестой удар не попадал. То чуть раньше, то чуть позже. Рука дрожала. А на новый, 1991 год, получилось: чокнулся мгновение в мгновение!

Вован: Что ты чокнулся, и так видно. Всё, дед, надоел. Ноги в руки и топ-топ на выход.

Птеродактор, опустив голову, идет к выходу. У порога оборачивается.

Птеродактор: Молодой человек, вы раскаетесь. (Выходит.)

Вован (грузчикам): Стоп, пацаны. (Щупает раму.) А рамка-то ничего, адекватная.

Наждачком пройтись, позолотить... Стекляшку другую вставим. Или Клавке подарить?

Тем временем один из грузчиков вешает на стену большущий календарь на 2001 год с голой девицей. Вован подходит, одобрительно кивает.

Вован: Слышь, Колян, Клавку позови. У нас тут с ней бартер на бартер...

Колян: Понял, Вован... Владим Егорыч.

Выходит. В комнату входит Клавка. Она в новогоднем наряде: невозможная мини-юбка, прозрачная блузка на одной бретелечке, высоченные каблуки.

Клавка: Ну?

Вован: Чё «ну»? Я те протокол о намерениях представил? Ты обмусолить обещала? Давай, выкатывай.

Клавка: Да, Вовик. Я как бы на самом деле обдумала твой проект. В плане поехать к тебе на дачу

в Отрадное и всё такое. Только учти, Вован, я тебе не давалка десятибаксовая. На фу-фу такие женщины не достаются.

Вован: Короче.

Клавка: Ты как бы должен сознавать, что тебе теперь не цыпка по вызову нужна, а классная герлфренд, с которой как бы понтово потусоваться в престижном обществе. Я ж на самом деле понимаю. Посмотри на себя и на меня. Ты кто? Ватник раменский, только не обижайся, да? А я иняз закончила. Хочешь тебе по-английски, хочешь по-французски. Соображай, Вовик.

Вован: Еще короче.

Клавка: «Бээмвешка», новая.

Вован (присвистнув): Ты чё, Клавк, упала? Конечно, ты бикса представительная, при всех наворотах, но это ж сорок штук баксов! Тоже Клавдия Шифер нашлась!

Клавка: Ну это как бы хозяин — барин. Гляди, Вован. На самом деле тебе решать.

Гордо выходит, оставив дверь открытой.

Вован хочет идти за Клавкой, но тут его взгляд падает на часы, показывающие 23:59.

Вован: Блин! У меня ж речь!

Быстро открывает бутылку, достает из кармана листок бумаги.

Вован (в открытую дверь, откуда доносится песня): Тише вы, козлы! (Дверь захлопывается.)

Садится за стол. Крутится на кресле, но ему не нравится неторжественный вид коробки с компьютером. Встает перед зеркалом. В правой руке бутылка, в левой — листок.

Вован (торжественно, время от времени заглядывая в листок): Дорогой Владимир Егорович! Поздравляю вас с Новым годом. Чтоб, как говорится, жизненный путь был вам глаже мыла, а всяким козлам острее шила. В этот торжественный момент, знаме... знаменующий наступление нового двадцать первого века, желаю вашему холдингу «Конкретика» процветания, а лично вам сибирского здоровья, ломовой прухи и бабок немеряно. Владимир Егорович, круче вас только Жима... Жималунгма! (Электронные часы, на которых 00:00, начинают противно пищать: раз, другой, третий. Из соседнего помещения доносится радостный вопль. Вован прячет листок в карман.) Давай, братан, урой их всех! Ты всех сделаешь! Уау! Век воли не видать!.

Чокается бутылкой с зеркалом как раз на шестом писке часов. Раздается звон хрустала.